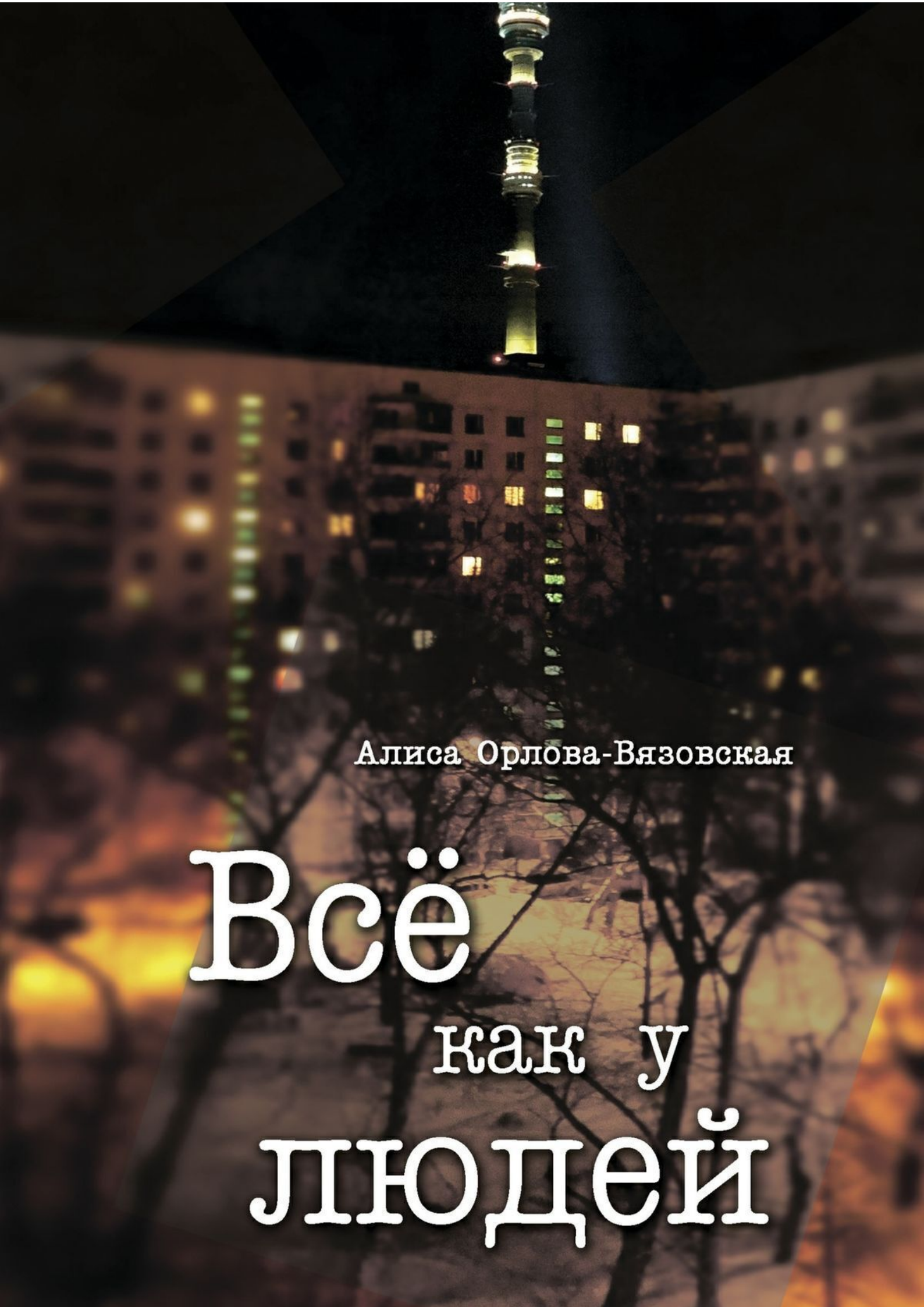

A nighttime photograph of a cityscape. In the center, a tall, illuminated tower rises against a dark sky. Below it, several multi-story apartment buildings are visible, with many windows glowing with warm light. Bare tree branches are in the foreground, partially obscuring the buildings. The overall mood is quiet and urban.

Алиса Орлова-Вязовская

Всё как у людей

Алиса Орлова-Вязовская

Все как у людей

«Издательские решения»

Орлова-Вязовская А.

Все как у людей / А. Орлова-Вязовская — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-740595-3

Эти повести и рассказы написаны так, как мы обычно рассказываем друг другу «случай из жизни». И герои похожи на нас, наших коллег, родственников и друзей. Эта узнаваемость и разговорная речь заставляют искренне сочувствовать или возмущенно порицать. Взгляд со стороны. Именно взгляд, а не совет и мораль. Красиво звучит фраза «Истинные ценности». Но каждый вкладывает в эти слова свой смысл. В книге «Все как у людей» истинная ценность определена, но согласиться или нет — выбор читателя.

ISBN 978-5-44-740595-3

© Орлова-Вязовская А.
© Издательские решения

Содержание

Простая история	6
Часть первая	6
Часть вторая	8
Часть третья	10
Часть четвертая	12
Часть пятая	14
Часть шестая	15
Часть седьмая	17
Часть восьмая	19
Часть девятая	21
Часть десятая	23
Часть одиннадцатая	24
Все как у людей	29
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Все как у людей

Алиса Орлова-Вязовская

Корректор Лада Баумгартен

Дизайнер обложки Виталий Цветков

Фотограф Виталий Цветков

© Алиса Орлова-Вязовская, 2021

© Виталий Цветков, дизайн обложки, 2021

© Виталий Цветков, фотографии, 2021

ISBN 978-5-4474-0595-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Простая история про Марусю

Часть первая

В коридоре что-то грохнуло, послышался приглушенный мужской голос. Потом старенькая бабушка заплакала. Маруся вылезла из кровати и на цыпочках подошла к двери послушать. Хотя и так понятно, раз бабушка плачет, значит, кто-то из соседей привел Марусину маму. Если выйти из комнаты, старенькая бабушка заругает.

Хорошая девочка должна спать в это время, а не на маму любоваться. Бабушка поплачет и уйдет к себе. Тогда можно и выйти, все равно в туалет захотелось. Конечно, на ночь Марусе ставили горшок, но тогда его утром выливать надо. Лучше по-взрослому, в туалет.

Мама лежала в коридоре. Бабушка, видно, не смогла ее в комнату тащить, а может, и не хотела. Маруся присела на корточки и стала маму разглядывать. Юбка и короткие сапожки в грязи, колготина на коленке порвалась, от дырки вниз бежали дорожки. На куртке оторвана пуговица. Мамино лицо не видно, уткнулась в согнутую руку. Волосы у нее желтые, а пробор темный. Маруся хотела маму потрогать по волосам, не решилась, проснется еще. Может спр-сонья дочку не узнать. Громко закричит: «Че надо?» Или пойдет, шатаясь в кухню, бутылку искать. Так уже сто раз было. Пусть уж лучше проспится.

Пятилетняя Маруся прижала ладошку к щеке, (так старенькая бабушка делала), вздохнула: «Ох, ты, горюшко наше, когда ж это кончится?»

Босые ноги замерзли, Маруся вспомнила, что вроде в туалет собиралась. Темно, выключатель не достать. Придется на горшок идти, а что делать?

Так маму приводили несколько раз в месяц. Иногда она исчезала надолго. Когда мамы не было, лучше. Маруся жила себе со старенькой бабушкой Верой. Когда-то у Маруси была другая, молодая бабушка, Надя. Она тоже пила водку, как мама. Только она уже померла от печени. Так во дворе говорили. Мол, Надька-шалава, от печени померла. И Марусина мама, Зинка-шалава, тоже от чего-нибудь помрет скоро. И бедная баба Вера останется с ребенком. А бабке «сто лет в обед», значит, Маруся останется одна и тоже будет шалава.

Только тетя Катя Скорикова говорила, что Маруся вырастет порядочной, с детства на пьянь насмотрелась, капли в рот не возьмет. Раз тетя Катя сказала, значит, правда. Соседи ее слушают и побаиваются. Тетя Катя Скорикова все споры решает. Кто шумит, кто мусорит, кто в подъезде набезобразничал. Во дворе ее зовут командирша. А дядю Веню Скорикова никто не боится. В хорошую погоду он сидит на скамейке у подъезда с бабусями. Читает вслух газеты. Прочтет и объясняет что к чему. Бабуси говорят, дядя Веня умный, большим начальником был, все знает. Только здоровья нету, сердцем хворый. Ходит еле-еле, и рот на сторону свернуло. Маруся всегда здоровается с дядей Веней и бабусями. Старенькая бабушка велела. Пусть знают, что она вежливая, хорошая девочка. Марусе очень хочется быть хорошей, чтобы хвалили. А то все только жалеют.

В саду тоже жалеют. На каждом празднике Маруся изображает зайца. Этот костюм еще от другой группы остался. Все знают, что ей костюм никто не сошьет и не купит. А так, что добру пропадать? Вот и получается, на Новый год она зайчик, на Восьмое марта – зайчик, на праздник книжки – зайчик. И стихи ей разучивать не дают, кто с ней дома зубрить будет? Старенькой бабушке и так забот хватает, не Зинка же – пьянь подзаборная. Вот Маруся и была все время бессловесным зайчиком. К концу года она возненавидела свалевшийся плюшевый костюм, а заодно и всех на свете зайцев. Вот пусть в сказках лисы и волки съедят их все!

Когда Марусе настало время в первый класс идти, явились в дом незнакомые тети. Стали спрашивать как Марусе живется. И тут, как на грех, мама пришла, денег у старенькой бабушки просить. Тети стали спрашивать про Марусю, а мама забыла, какого числа дочка родилась. За это рассердилась на тетенок и кричать начала. Бабушка Марусю быстро увела в комнату и строго настрого запретила нос высовывать. Слышно было, что мама ругалась с тетями сильно. Потом разбилось что-то. Потом в дверь звонили. Оказывается, тетя Катя Скорикова милиционеров вызвала, потому что мама с тетеньками подралась. Маруся в окно видела, как милиционеры ее в машину тащили, мама пыталась вырваться, плакала и ругалась. Во дворе соседи собрались посмотреть.

Старенькая бабушка Марусю от окна оттаскивала, пыталась рукой закрыть ей глаза и тоже плакала. И Маруся плакала от страха, от жалости и еще от чего-то непонятного, но очень тоскливого и стыдного.

Часть вторая

В школу Маруся пошла в интернате. Маму лишили родительских прав. Хорошо хоть, Катя Скорикова помогла! Марусю не навсегда в интернат отдали. На выходные и каникулы можно домой уходить. А совсем дома жить нельзя. Бабушка очень старая, ей опеку не разрешают. И тете Кате не разрешают. Вы, говорят, не родственница, и муж ваш инвалид. Можно только на свободное от учебы время девочку забирать.

В интернате Маруся живет в комнате с другими девочками. У некоторых даже старенькой бабушки нет. Они и на каникулы не уходят, некуда. Так что Маруся получилась везучка. Мама в интернат не приходит. Бабушка говорит, что она в больнице. Может, придет, когда поправится.

Во дворе Маруся узнала, что мама не придет, потому что она вообще теперь не ходячая. Мишенька рассказал. К его маме тетя Катя Скорикова приходила, и Мишенька все слышал. Марусина мама вроде сильно простыла, и ей какие-то лекарства выписали и сказали строго настрого – с водкой нельзя. А мама не послушалась и пила эти лекарства вместе с водкой. И у нее сделался паралич, или паралич, – Мишенька забыл как правильно. Она теперь может только лежать. Даже в туалет не может ходить! В постель писает! И кушает только жидкое, жевать не может совсем. Ее надо с ложечки кормить. Хотели ее из больницы домой отвезти, чтобы дома писалась. А тетя Катя Скорикова как заорет на них, что они безмозглые! Дома только старый да малый, кто за больной ходить будет? Да ее и на кровати-то некому повернуть. Словом, тетя Катя добилась, что маму в больнице оставили.

Маруся не знала, верить ли Мишеньке. Может, он не понял или напутал чего, или при-сочинил. А у бабушки не спросишь. У нее один ответ: Мама заболела, выздоровеет – придет.

Мама не выздоровела и не пришла. На похороны Марусю не взяли. Осталась дома с дядей Веней Скориковым. Тетя Катя и бабушка уехали хоронить. На поминки Марусю тоже не оставили, отвели к Мишеньке. Ему всегда разрешали с Марусей играть. Оба тихие, не набеudoкуют. Мишеньке с мальчиками дружить не разрешали – хулиганье. Обидят ребенка или научат плохому. А он мальчик послушный, воспитанный, пусть лучше с девочками играет.

Маруся с Мишенькой почти и не играли, разговаривали. Маруся про интернат рассказывала, Мишенька – про свою школу. Оба первоклашки. Выслушивали друг друга внимательно. Вместе возмущались или радовались в зависимости от ситуации.

Мишенька жаловался, что родители ничего не разрешают, потому что он у них поздно родился. Вот и любят его слишком.

В друзьях одни девчонки. Велосипед нельзя – вдруг расшибется. И в мяч нельзя – попадет по голове и станешь дурачок или заика. Маруся сочувствовала, тяжело ему. Да и ей-то не лучше, папы совсем нет, теперь и мама умерла. Осталась только старенькая бабушка. Сиди вот, в интернате, из своего только кровать да тумбочка. После школы сразу уроки делать. Телевизор посмотреть – и то перед сном, и не кино, а «Спокойной ночи».

Тут Мишенька начинал сочувствовать. Действительно, тоскливо. Да еще в интернате все зовут Марусю – Машей. А ей это имя совсем не нравится. Обзывают обидно: Машка-промокашка, Машка-какашка. Да еще мультик показали про козу. Теперь мальчишки дразнятся: Машка-коза, бееееее. Никто не хочет Марусей звать.

Так и тянулись серые интернатские дни от каникул до каникул.

У Маруси и подруг-то толком не было. Дружила по-прежнему с Мишенькой. Иногда в кино ходили, записи слушали. Мишенька все модные группы знал, где-то доставал кассеты переписать. У Маруси магнитофона не было. А вообще, какой ей магнитофон? Дом-то на ней теперь. Старенькая бабушка еле ходит и видит плохо. Когда Маруся на учебе, за бабушкой приглядывают тетя Катя Скорикова и Мишенькина мама, тетя Оля.

Дядя Веня Скориков зимой умер. Чуть-чуть до Нового года не дожил. Многие соседи сплетничали, что, мол, лучше бы тетя Катя за мужем ухаживала, а не общественной работой занималась. Вот и докомандовалась, активистка. Да она его вообще за человека не считала.

Наверное, так говорили, потому что тетя Катя не плакала на похоронах, а была такая же, как всегда, деловая и энергичная. Только Маруся знала, что горе тети Кати Скориковой – искреннее, тяжелое и большое. Когда все с поминок ушли, Маруся посуду на кухне мыла и слышала, как тетя Катя плачет. Она тихонько заглянула в комнату. Тетя Катя плакала так безысходно и горько, что и у Маруси губы задрожали, и стало невыносимо жаль и дядю Веню, и его жену. Тетя Катя плакала в комнате, а Маруся – у двери, так и не решилась подойти и сесть рядом.

Маруся вспомнила про маму, она ведь совсем молоденькая умерла. Но тогда никто особо и не рыдал. Старенькая бабушка немного поплакала, а Маруся вообще мертвой маму не видела. Она дома редко бывала и на дочку никогда не обращала внимания. А теперь, Маруся плакала за все: за дядю Веню, за маму, от жалости к тете Кате, от жалости к старой бабушке и, конечно, от жалости к себе.

Часть третья

После школы Маруся поступила в швейное ПТУ. Выбор был не большой – или швея, или штукатур-маляр. Конечно, лучше бы сразу на работу устроиться, деньги нужны, но так не разрешалось. Сначала отучись за десятилетку и специальность приобрети. Маруся решила, что от шитья пользы больше. Можно заказы брать на дому, за деньги. А штукатуром – загонят на стройку, холодища, грязь. Никакого уюта. Очень Марусе хотелось уюта. И тетя Катя одобрила, швея всегда заработок найдет. А на стройке Маруся, того гляди, начнет выпивать, наследственность-то у нее не ахти. И покатится по кривой дорожке, как мама.

Мишенька тоже в десятый класс не пошел. В медучилище поступил. Его мама надеялась, что Мишенька потом институт закончит и будет врачом.

В ПТУ одни девчонки, и у Мишеньки на курсе одни девчонки. Сначала обижались, что Мишенька на праздничные вечера приходит с Марусей. Но он говорил, что это его сестра. Девчонки верили и рассказывали Марусе кому из них Мишенька нравится.

Старенькая бабушка ходила по квартире, как тень, Марусе казалось, что у нее и веса-то никакого нет. В чем душа держится?.. Но бабушка Вера словно ждала, когда правнучка ПТУ закончит, тогда и помирать будет не страшно.

На Выпускной Маруся идти не хотела, платья нарядного нет. Да и денег свободных тоже. В долг брать страшно, вдруг отдать не сможет. Но Мишенька произнес магическое слово «комиссионка».

Настоял в центр ехать, там иностранных вещей больше. Нашли платье, серебристое, тонкого трикотажа и по деньгам подходящее. Да вот беда, велико даже на пухленькую Марусю. Еще три магазина обошли. У Маруси уже ноги подкашивались. Ну нету подходящего. Или не красиво, или цена пугает. Мишенька даже рассердился:

– Портниха, блин, называется! Велико – не мало, ушьешь.

Хорошо хоть заветное платье никто не успел купить. Висит, Марусю дожидается. Тетя Катя одобрила – красота! Хорошо, что с Мишенькой поехала, он в моде разбирается. Платье импортное, за версту видно. Какая-нибудь иностранка сдала. Вот тут зашпы надо сделать и поясом подвязать. У тети Кати как раз подходящий пояс есть. Получится с напуском, как в журнале.

Ушивать пришлось на руках, машинка могла испортить нежную ткань. Маруся до трех ночи с платьем провозилась. Туфли тетя Катя дала свои – лакированные лодочки. Маруся отнекивалась. Ноги, хоть и маленького размера, но широкие. Растянет туфли, как их потом носить?

– Бери насовсем. Будет тебе подарок на Выпускной.

Вот такая тетя Катя добрая. Зря про нее сплетничают. Старенькая бабушка сдержала слово. Дождалась, пока Маруся закончит учиться и устроится на работу. Умерла бабушка тихо, во сне. Долг свой исполнила, поставила правнучку на ноги. Заслужила, наконец, покой.

Первые несколько дней у Маруси ночевала тетя Катя. Было от чего-то очень страшно. Деньги на похороны собрали соседи. Тетя Катя обошла все квартиры в подъезде. Гусятниковы не хотели больше рубля давать, а тетя Катя как начала кричать на всю лестничную клетку, мол, совести у людей нет!

Девчонка – круглая сирота, у них на глазах выросла, и бабка заслужила нормальных похорон. А они жлобятся трешку дать!

Гусятников отступил и трешку отдал, а жена его прошипела, что толку деньги у порядочных людей вымогать, когда и так ясно, что Маруся будет такая же пьянь, как ее мать!

– Что! – закричала тетя Катя. – Будет ли Маруся пьянь, вилами по воде писано, а вот ее муж, гражданин Гусятников, третьего дня в вытрезвитель попал. Она знает из первых рук, от участкового.

Гусятниковы пожалели, что сразу деньги не отдали. Остальные соседи даже не рискнули с тетей Катей спорить. Так что занимать не пришлось, на похороны хватило и осталось немного на первое время, до зарплаты дожить. Еще в собесе немного денег тоже дали на похороны.

Проблема денег вечно отравляла Марусе жизнь. Хотелось привести в порядок запущенную квартиру, хоть бы обои новые поклеить. Хотелось кроссовки – беленькие такие, с красивой надписью adidas, джинсовую куртку и юбку. Футболку с иностранной надписью. Колготки ажурные с люрексом, туфли с каблуком «свиное ухо». Плащ-трапецию и мягкий вязаный жакет с воротником шалькой и большими манжетами.

От мамы никакой нормальной одежды не осталось, перешить не из чего. Хорошо хоть, Мишенька на Восьмое марта подарил футболку с Аллой Пугачевой.

Зарплата у Маруси была ученическая, а заказы брать она еще побаивалась. Шьет пока не ахти, вдруг чужую ткань испортит. Опять тетя Катя Скорикова выручила. Дала Марусе поручение – занавески для кухни сшить, «кошкин дом» называются. Маруся старалась, каждый шовчик разглаживала. Тетя Катя похвалила и стала всем жильцам рассказывать, что Маруся занавески шьет лучше, чем фабричные. Некоторые жильцы пришли с заказами. Тоже хотели «кошкин дом» на кухню. Модно, а в магазине не купишь.

Мишенька в институт не поступил. Забрали в армию. Тетя Оля и дядя Миша ходили в военкомат. Тетя Оля плакала, Мишенькин папа носил справки, что у него сердце слабое и артрит. Но ничего не помогло. Мишеньку отправили служить на север. Тетя Катя утешала его родителей – пусть, мол, перекрестятся, что парнишку не в Афган отправили. Тетя Оля слова «Афган» испугалась до обморока и стала радоваться, что сына отправили на далекий север.

Мишенька писал Марусе, что, вопреки всем ожиданиям, ничего особо страшного не произошло. Побили его только один раз и то в самом начале. И не сильно, а так – для порядка. Потом его отправили работать в медчасть, и он теперь кум королю. Все медсестры его опекают, а вечером они по-тихому пьют спирт.

Маруся отвечала, что навещает тетю Олю и дядю Мишу. Берет заказы и даже купила себе, наконец-то, джинсовую юбку и колготки с люрексом. Волосы Маруся осветлила и стала очень похожа на свою мать. Даже тетя Катя ругалась. В ателье дела так себе. Работа сдельная, старшие мастерицы ничего приличного делать не дают. Только гоняют: пойди-принеси. Маруся с удовольствием бы уволилась, но нельзя. Три года должна отработать. Обои новые так и не поклеила. И вообще ничего интересного.

Часть четвертая

С возвращением Мишеньки Маруся ожила. Мишенька соскучился по свободной жизни. Стали ездить на дискотеку в ДК «Горбунова». Маруся надевала джинсовую юбку, тонкие колготки, белые носки и кроссовки, чтобы по-модному. На веки клеила кусочки блестящей фольги от «елочного дождика». Видела у одной девочки такие «стрелки». Мишенька сделал прическу, как у западных музыкантов, пряди во все стороны, обесцвечены гидроперитом и зафиксированы сладкой водой, чтобы не опадали.

Джинсы Маруся с Мишенькой сварили в хлорке. Вонь – страшная, зато вышла самая, что ни на есть, настоящая «варенка». Так что на столичной дискотеке смотрелись на уровне. Правда, от жары Марусины блестящие стрелки сползали на щеки, но не страшно, можно сбегать в туалет и заново приклеить.

Большим успехом у молодых людей Маруся не пользовалась. Вроде и не страшненькая, а так – ничего. Правда, стройной худышкой не назовешь. Ноги толстоваты, щеки круглые, даже пальцы на руках пухлые, как у малышей. Может, поэтому?

Иногда на дискотеке приглашали на медленный танец, но чаще всего – подвыпившие ребята. Еще во время танца начинали тискать и предлагали с дискотеки уйти в укромное место. Трезвые ухажеры, выяснив, что провожать Марусю придется аж в поселок Андреевка, возле Зеленограда, сразу теряли к ней интерес. Вот еще нужно! Московских девчонок полно.

А так хотелось, чтобы ухаживали. Чтобы на работе крикнули: «Воронцова, тебя к телефону, парень какой-то». И целоваться хотелось. И слушать про любовь всякие слова. Чтобы засыпая, их вспомнить, и «мурашки» побежали бы от счастья. Но нет такого, что поделаешь? Не соглашаться же идти с первым встречным. Чтобы не тыкали, мол, они с матерью – «одного поля ягоды».

Мишенька устроился работать в госпиталь лаборантом. Опять вокруг одни тетki и девушки. И все Мишеньку обожают. Как его не любить? Всегда выслушает и посочувствует, совет даст дельный. А уж что касается модной одежды и прически, так и разговору никакого. Раз Мишенька сказал, что модно джинсы-пирамиды и кроссовки шнуровать не «крестиком», так оно и есть. Спорить может только дурак отсталый, в моде не понимающий.

В госпиталь привезли много ребят-афганцев. Там аппаратура самая современная, и даже иностранный врач приезжал лекцию читать. Мишенька рассказывает о раненых. Тетя Оля вытирает слезы, жалко ребятешек! Вдруг ее сын попал бы в это пекло...

Тетя Катя Скорикова хмурится. Нет, объясните ей – кому это нужно наших мальчишек под чужие пули гнать? Дядя Миша испуганно шепчет:

– Катя, тише, тише. Политика – не нашего ума дело.

Марусе тоже жалко покалеченных, совсем молоденьких солдат. Мишенька так хорошо о них рассказывает. Выходит, приличные ребята на войне пострадали, а Марусе достаются здоровые, но наглые и пьющие. Несправедливо!

Хочется на ребят из госпиталя взглянуть, но боязно чего-то. Вдруг расплачется, как тетя Оля, от жалости.

Но Мишенька сам позвал. Он со всеми в дружбе. А завтра у одного парня день рождения. Он пойдет, хотя и не его смена, и сказал, что не один, а с сестрой. Так что Маруся просто обязана идти. Человек и так в госпитале, а ей жалко праздник поддержать?

Тетя Оля напекла пирогов. Купили вина, торт, отправились поздравлять.

Маруся сидела на скамейке в госпитальном дворике. Мишенька ушел именинника звать. От чего-то стало страшно и стыдно. Маруся поправляла пакет с пирожками, зачем-то кассету в магнитофоне поменяла. Потом достала маленькое зеркало. Вот красота! Солнце печет, щеки стали красные и капельки пота на носу. Да еще кудряшки, старательно накрученные щипцами,

развились. А она-то все утро каждую прядку на горячие щипцы наматывала! Даже ухо обожгла! И все прахом! Может, убежать по-тихому? А то скажут, вот, мол, у Мишеньки сестра-кулема!

Поздно! На дорожке уже показались несколько человек. Мишенька вез по дорожке инвалидное кресло. Еще двое ребят шли рядом. Смеются, разговаривают о чем-то. Маруся хотела встать, поздороваться, но подняться не смогла. Рот приоткрыла, как дурочка, и уставилась во все глаза на сидящего в кресле. Такого красивого парня она видела только в иностранном кино. Неужели такие в жизни бывают?

Счастье, что Мишенька стал быстро и по-деловому раскладывать на скамейке угощение. И один из ребят, Роберт, оказался прямо «птица-говорун». Марусе оставалось только на вопросы отвечать да помогать Мишеньке. Смутилась только когда познакомились, сказала, что зовут Маша, а потом поправилась – Маруся. Ребята засмеялись, но не обидно, по-доброму, так и стали к ней обращаться – Маша-Маруся.

Хорошо, что она, вроде как Мишеньке сестра. Так меньше стеснительно. Да и вообще. Роберт анекдоты рассказывал, Денис с Мишенькой хохотали, жаловались, что у них уже все мышцы болят от смеха. Костя только улыбался. Марусе стало легко, голова кружилась немного от выпитого за здоровье именинника вина.

Проходящий по дорожке пожилой доктор погрозил пальцем.

– Только сок, Виктор Федорович! – крикнул Роберт

– Ну да, знаю я вас! Одна надежда на общество такой милой барышни.

Ребята опять засмеялись, а Костя посмотрел на Марусю, как-то по-особенному. А может, ей показалось?

Часть пятая

Уснуть Маруся не могла долго. Про Костю думала. Какой он? Ну, внешне и говорить нечего, красивый, а вот по характеру? Знакомые девочки всегда считали, чем парень привлекательней, тем нахальней. Красавцы – все эгоисты и не надежные, потому что у них выбор большой, все на шею вешаются. Они только погулять любят, а чтобы серьезное, ну там, жениться, например, – не вариант. Замуж надо за обычного выходить, спокойнее и вернее. А красавчиком только перед подругами похвалиться да и то раз или, если повезет, два. Потом он ведь все равно бросит. А Маруся не хочет погулять, или похвастать. Ей по-серьезному надо. Чтобы замуж, дети, дом уютный и занавески «кошкин дом» на кухню. Занавески уже есть – в клеточку с белыми оборками.

Мишенька говорит, что у Кости нога по щиколотку ампутирована. Вот он, если все хорошо пойдет, все равно инвалид получается. Попросту – калека. Допустим, понравится ему Маруся, по правде, и вот станут они встречаться. А потом поженятся. И получится у Маруси муж-инвалид. Вон, как тетя Катя Скорикова мучилась. Дядю Веню и в больницы укладывали, бегай с сумками, бульон, апельсины. И ходил дядя Веня еле-еле. Погулять выйдет, два шага и на раскладной стул. Маруся видела, как тетя Катя водила мужа в лес. Да какой там лес! Еле до кромки дойдут, дядя Веня на стуле посидит и домой просится, устал. Значит, и Маруся будет так гулять с Костей. А все начнут шушукаться, вот, мол, молоденькая, повесила на себя обузу.

Вдруг Марусе стало стыдно, да так, что слезы выступили. Словно Костя все мысли узнал и смотрит на нее с осуждением. Он же не виноват, что так вышло. А теперь такие, как Маруся, будут на него смотреть с жалостью и отворачиваться. Хорошо, что на свете много здоровых ребят. А ты, Костя, сиди себе в госпитале, жди, когда из жалости, какая-нибудь девушка тортик принесет. И Маруся заплакала.

Плакала тихо, мучаясь от жалости к Косте и стыда за свои мысли. Вот, оказывается какая она бессердечная и жестокая. И вдруг застыла, словно наткнувшись с разбегу на препятствие. Она сидит, мучается от своей жестокости, а Костя, может, через пять минут после прощания забыл, как ее зовут. Вот, дура-то! Да с чего она взяла, что он мечтает жениться, а Маруся отказывает? Такой красивый парень и хромой без девушек не останется. Может, он и с Марусей общался, потому что Мишенька привел. А вот сам где-нибудь на улице и не подошел бы. Может, у него и девушка есть, или даже невеста. Красивый, молодой, герой-афганец. А она кто? Обычная, личико круглое, глаза круглые, вообще, лицо глупое, как у куклы. Родителей нет. Образование – ПТУшное. Живет даже не в самом Зеленограде. Во дворе все знают как облупленную. И про бабушку Надю, и про маму. Завидная невеста, ничего не скажешь. И Маруся заревела в голос, как малышня, когда игрушку отнимут. От того, что Костя наверняка и думать про нее забыл, было намного обидней. И себя жалко больше, чем раненого парня.

Маруся решила про Костю не думать. Она же со многими Мишенькиными друзьями знакома. Если из-за всех плакать, слез не хватит. Так-то оно так, но Костя среди всех получался особенный. Словно нарочно в мысли приходит. И когда Мишенька сказал, что Костя передает сестре привет и даже спросил, не придет ли Маша-Маруся к брату на работу, сердце так и прыгнуло.

И Маруся стала заходить по выходным в госпиталь. Ну, вроде как, к брату. Сначала втроем по парку ходили, потом Мишенька ссылаясь на важные дела и исчезал. Получалось, что она на настоящем свидании. Один раз даже слышала, как Роберт, увидев ее в окно, крикнул: «Костян, твоя идет». Значит, все считают Марусю Костиной девушкой? Тогда и впрямь у нее настоящие свидания.

Часть шестая

Маруся стала двигаться плавно, глаза подкрашивала даже дома. Сшила блузку с бантом парикмахерше Ирке, и Ирка покрасила ей волосы редким фиолетовым шампунем Зильбервайс. И Маруся получалась не соломенная куля, а пепельная блондинка. Тетя Катя сказала – в сто раз лучше.

Теперь Марусе еще сильнее захотелось привести в порядок квартиру. А вдруг Костя придет. Новые обои выбрали с тетей Катей. Дядя Миша достал водоэмульсионку потолки побелить. Маруся прилежно собирала старые газеты, дядя Миша сказал, на них обои лучше лягут.

Во дворе Марусю подкараулила Гусятникова. Стала нахваливать, какая Маруся умница-разумница. Не то, что ее мамаша-шалава. И вообще... Маруся долго не могла взять в толк, с чего это Гусятникова ее охаживает. Оказалось все просто. Сын Гусятниковых жил в однушке на соседней улице. Вот, если бы Маруся с ее Олежкой квартирами поменялась. Зачем ей одной две комнаты? А Олежка жениться решил, потом дети пойдут. Тесновато. А Маруся одна. Заживет в новой квартире кум королю. Там и ремонт хороший сделан. И денежка на руках, многозначительно прикрыв глаза, пообещала Гусятникова. Уж суммой не обидят. Маруся и оденется, и обуется во все импортное, и полированную стенку купит, может, еще телевизор «Шилялис» поставит.

Маруся обещала подумать. Надо же посоветоваться. Тетя Катя сделку отвергла сразу. Ишь чего захотели! Маруся потом из однушки сроду не выберется. А когда она замуж выйдет и ребят нарожает?!.. Да и деньги эти еще дадут, нет ли. Она что, голая и босая ходит? Ну купит себе дубленку и шапку, а потом получит по голове в темной парадной. А если у будущего мужа жилья нет. Да и вообще!.. Досталась Марусе двушка, пусть радуется. А Гусятникова – аферистка еще та. С ней потом по судам вспотеешь ходить. Умная нашлась! Раз Маруся сирота, так можно запросто объегорить? Забыли, что тетя Катя следит! На кривой козе не объедешь и на мякине не проведешь.

Маруся вежливо отказала Гусятниковой. Та раскричалась на весь двор, хотели эту дурочку осчастливить, да видно, ошиблись. А Маруся наверняка не согласилась, чтобы в большой квартире ловчее гулянки устраивать. Вон, со всего района можно пьянь собрать, места хватит.

Ну и пусть кричит. Это раньше Маруся стала бы переживать и расстраиваться. А теперь... Теперь, она девушка, за которой ухаживает молодой человек. Ну пусть они не могут ходить в кино и на дискотеку, и их не приглашают в гости. Обстоятельства так сложились. Но они же могут и поменяться. Не вечно же Костя будет в госпитале. И потом, у них даже маленькая компания появилась. На выходные к Денису приезжает жена Карина. Марусе она очень нравится.

Карина веселая, не ноет, ни причитает, как муж покалечился. У Дениса нет руки. Карина сказала Марусе по секрету, что сначала испугалась, а потом обрадовалась. Главное, что Денис живой! А то получила бы, избави боже, свидетельство о смерти и осталась бы в двадцать лет вдовой с маленьким ребенком. И хоть теперь ее жалеют, что муж калека, но лучше безрукий, чем алкаш, как муж старшей сестры. Маруся кивает, все верно. Ей нравится вести такие разговоры, словно она тоже жена, может и порассуждать.

Иногда Карина привозит сынишку. Двухлетний Егор охотно идет на руки и неизменно требует «баянку» или «кафету». Конечно, в карманах папиных друзей случайно находятся конфеты. Баранки приносит Маруся. Егор сидит у Кости на коленях. Самое спокойное место, подремать можно. Потом идут провожать до ворот. Карина с коляской, и Маруся – с коляской. Роберт начинает хохмить. Вот, мол, Маруся хорошо кормила ребенка, так и вымахал под два метра, а Каринка, наверное, плохо – Егору еще расти да расти. Костя не обижается, у Роберта язык, как пропеллер, пусть треплется.

Идут медленно. Говорун Роберт опирается на палку. Половина лица его покрыта уродливыми рубцами от ожогов.

Часть седьмая

Когда на работе в первые Марусе крикнули: «Воронцова, к телефону, парень какой-то». Маруся так выскочила из-за стола, что смахнула на пол кусок ткани с наметкой, булавки так и брызнули во все стороны. Сидящая рядом сухопарая Клавдия Викторовна обозвала ее кобылицей. Ну и наплевать. Ведь это Костя звонит. Спрашивал, придет ли в субботу, передавал привет от ребят. Ничего романтического. Но разве не понятно? Телефон в коридоре, своей очереди дожидается несколько человек. И возле Маруси крутится любопытная Зойка, вроде ей что-то надо. Какая уж романтика. Но все это ерунда. Главное, Костя позвонил.

Маруся вернулась на место. Старалась держаться невозмутимо, но почему-то улыбалась, и пальцы немного подрагивали. Села за машинку, петли обметывать, надо же, как быстро получилось. Раньше уходило больше времени. Только, когда сдала работу, выяснилось, что петли не прорезаны.

Клавдия Викторовна шипела, что Маруся косорукая бестолочь! Не выйдет из нее портниха! Ну и пусть шипит. Сама только по лекалам кроить умеет. А Маруся просто посмотрела на Ольгин привозной комбинезон и сшила такой же из плащевки Лидке. Лидка так обрадовалась, что заплатила 50 рублей! И обещала подружек привести с заказами. Вот!

И вообще, Маруся теперь ходит на свидания. И все чаще они с Костей стараются побыть вдвоем, без ребят. И Костя стал звонить на работу. И еще... они целовались.

Мишенька сказал, что Костя прыгает по больничному коридору на костылях, хочет перед Марусей показать, что без каталки ходит.

Дениса выписали домой. Уехал в родной Саратов к Карине и сынишке Егору. Роберта тоже скоро выпишут. За ним приедет мама и старший брат. Ехать далеко. Роберт живет в Казахстане. С остальными ребятами Маруся знакома мало. Знает только в лицо. Со всеми здоровается. Слышала как вслед они обсуждают, что у Кости, из шестой палаты, симпатичная невеста. Добрая, наверняка, аккуратненькая, уютная. Вечно с сумками, заботливая. Не то, что Антошкина стерва.

Стервой ребята называли жену Антона из 12-й палаты. Парень перенес тяжелые операции. Ходил с трудом и все время кашлял, сгибаясь пополам. Его жена – яркая, видная, девица Олеся приходила пару раз. Брезгливо поджав губы, смотрела как нянечка помогает Антону встать с кровати. В коридоре устроила истерику со слезами. Зав. отделением, Нина Михайловна, поила ее валерианкой, утешала, что Антон молодой, дай бог, поднимется на ноги. Надо потерпеть. Когда любишь человека, самое страшное – его потерять. А Антоша живой. Да, сейчас плохо. Да, нуждается в уходе и лечении. Но шанс все же есть. Главное – любовь и забота. Любящие женщины и не таких раненых спасали и вытягивали. А сейчас медицина как вперед шагнула. И хорошо, что Антоша в этот госпиталь попал. Здесь все условия и специалисты.

Но Олеся продолжала рыдать, размазывая косметику. Да не по Антону она плачет. Это теперь ей, молодой красавице, с инвалидом жить! За ним уход, как за младенцем. А на что ей младенец, ей муж нужен. С ним и не выйдешь никуда. Так и похоронит золотые годы в четырех стенах.

Нина Михайловна рассердилась, Олеся выставила, кричала на весь коридор, чтобы духу ее здесь не было. Чтобы персонал близко такую змею на территорию не впускал! Медсестры шушукались, вот дура! Понятно, что парень, может, на всю жизнь калека, но не говорить же так откровенно. Придумала бы причину какую-нибудь, да мало ли. Но все сошлись во мнении, что Олеся, конечно, стерва и гадина. Сколько хороших девушек приходят мужей навещать. Рады радешеньки, что хоть такой вернулся.

Несколько дней Антон лежал на кровати, уставившись в потолок. А ночью в туалете порезал себе вены. Хорошо, что нянечка Кира увидела. Теперь Антон лежит в палате возле ординаторской, чтобы на виду был, и к нему ходит врач-психиатр Наум Семенович.

Маруся с Костей тоже Олесю обсудили. Жалели несчастного Антошу, хотели, чтобы он поправился и женился на хорошей девушке. А Олеся вышла бы за уголовника и пьяницу. Ходила бы с подбитым глазом и жалела, что бросила Антошу.

Маруся в обеденный перерыв рассказывала про Олесю. Все возмущались, кричали: «Вот поганка, дрянь, оторва! И как ее земля носит?» Клавдия Викторовна сказала, что надо в газету написать, пусть все знают и пальцем показывают. Куда только родители смотрят, такую бесчувственную тварь вырастили!

Уборщица тетя Фая кричала, что была бы она свекровью, все космы этой заразе повыдергала. Зойка, давась от смеха, шептала Марусе на ухо, мол, с такой свекровью, как тетя Фая, волосы сами вылезут.

Даже после перерыва не могли успокоиться. Приводили примеры из жизни родственников и знакомых. И все согласились, что заведующая ателье, Любовь Петровна, героиня! Ни чета распроклятой Олесе. Потому как Любовь Петровна не бросает своего мужа инвалида. Ему ногу по пьяни трамваем отрезало. А живет он с ней, как у Христа за пазухой: обстиранный, наглаженный, накормленный, ухоженный. Она даже не ругается, когда дружки приносят его домой пьяного. Он же с горя пьет. И потом – какой никакой, а отец детям нужен. Работницы согласно кивают, оно, конечно, как без отца-то?

Часть восьмая

Скоро Роберта выпишут. За ним из далекой Астаны приедут старший брат и мама. А Костю выписывать не торопятся. Начала скакать температура, плохо заживает рана, иногда Костя белеет от боли. А Маруся так надеялась, что скоро можно было бы его в гости пригласить. У нее теперь уютно, чисто, обои новые, потолки белые и занавески с оборочками. И тетя Катя, наконец, посмотрела бы на Костю. А теперь не до гостей.

За Робертом приехали на день раньше положенного. Вот незадача. Маруся и предложила переночевать. А что? Там же, кроме брата, еще мама. Что ж людям на скамейке в скверике спать? Маму Роберта зовут Грета, а брата – Пауль. Роберт зовет брата Пашкой. Это их старенький дед-немец настоял, чтобы внуков называли немецкими именами. А они и язык-то толком не знают, но спорить с дедом в семье не принято.

Когда Маруся вела к себе гостей, встретила Гусятникову. Та, поджав губы, всех оглядела и тут же побежала рассказывать, что Маруся комнату сдает приезжим и извлекает нетрудовые доходы. Теперь понятно, почему она от обмена отказалась, понятненько! Но тетя Катя Скорицова вывела вредную Гусятникову на чистую воду. Если она жадная и корыстная, что же по себе людей судить? Может, она против, что человек пустил переночевать мать раненого афганца? Может, она вообще не уважает нашу армию и ее солдат? Или ей наплевать на защитников Родины? Пока многие ребята своей жизнью жертвуют, Гусятников младший даже в армии не служил! Еще не известно, действительно ли его здоровье подвело или...

Гусятникова не рада была, что вообще ввязалась. Несколько дней шмыгала в магазин и на работу по стеночке. Бабуся на лавочке смотрели осуждающе, кто ж с Катей Скориковой не согласится? Ишь, бдительная какая! Только неприятностей накликала.

Пауль починил розетку в коридоре и переключатель у утюга. Тетя Грета оставила Марусе огромную дыню. Только велела после дыни часа два ничего не пить, желудку вредно. Половину желто-медовой дыни съели Маруся, Мишенька и тетя Катя. Два огромных куса отнесли тете Оле и дяде Мише. И еще приличный кусище пришлось нести на работу, чтобы испортиться не успела.

Костя стал еще молчаливее, лицо осунулось. На улице его начинало знобить. Иногда на лбу проступали капельки пота. У Маруси просто сердце разрывалось от жалости. Выспрашивала у Мишеньки, что врачи говорят. Дела не радостные. На неделе соберется консилиум. Может, придется ногу до колена ампутировать.

Марусе стало тяжело дышать, и внутри словно холодный камень упал. Плохо слышала Мишенькины медицинские объяснения. Домой шла, покачиваясь. Заревела, только закрыв дверь в квартиру.

Пришла к Косте, но в дверях на этаже ее перехватила медсестра Люська. Тащила Марусю за рукав подальше от двери.

– Ты пока не приходи. Не ходи пока, он просил. Чтобы, в общем, ты не ходила... Он просил.

Маруся настолько растерялась, что даже не спросила, как Костя себя чувствует. Молча сунула Люське пакет с гостинцами и пошла на негнущихся ногах, как деревянная кукла.

– Ты, это... не переживай. Может, оно и к лучшему. Ты главное – не переживай, может, все хорошо будет. – кричала ей вслед Люська.

Вот и все. Все... конец. Не хочет Костя ее видеть. Не нужна, надоела. А на что она рассчитывала? Любовь до гроба? Это не для таких, как Маруся. Так... пообщались и хватит. Возомнила себя чуть ли не невестой. Только фату нацепить... Да кому она вообще нужна? Живешь себе и живи тихонько. Есть друг Мишенька, и тетя Катя есть. Сиди уж, не лезь. Скучная тетеха. Маруся легла на кровать, закуталась одеялом. Вот бы уснуть и проснуться через год. И забыть

все-все. И слез нет. Даже, если губы кривить, не льются. Хорошо, что в квартире темно, темно и пусто. Голова тяжелая, кружится немного. Ну и хорошо. Пусть кружится посильнее, как карусель в парке, и мысли вылетают и пропадают в пустоте. Ничего не надо.

В дверь звонят. Нет никого дома. Отстаньте. Да кто же так долго и нудно звонит? Что за люди! Маруся села на кровати. Голова закружилась сильнее. Не будет она никому дверь открывать! В замке повернулся ключ. Ключи есть только у тети Кати. Маруся, шаркая как старушка, вышла в коридор. В дверях размытый силуэт.

– Маруся, ты что не открываешь, не заболела?

Маруся опустила на пол и, подняв на тетю Катю ввалившиеся глаза, наконец-то, заплакала.

Ну и издергалась Катя Скорикова! Хотела даже скорую вызвать. Маруся плакала и плакала. И валерианкой ее тетя Катя поила, и чаем с корицей. И утешала, гладила по голове, говорила правильные вещи. Вытирала Марусино лицо полотенцем. Снотворное давать не решилась, что-то будет вместе с валерианкой? И пробовала уложить спать, обещала, что никуда не уйдет, а будет сидеть рядом всю ночь. Клялась, что завтра сама сходит в госпиталь и поговорит с Костей. Может, Маруся не поняла, что сказала медсестра. Может, эта Люська вообще интриганка? Но Маруся продолжала плакать, остановиться не могла, доревелась до тошноты. Эх, все лекарство прахом. Ну что с ней делать? Хоть и поздно, придется Мишеньку звать. А то девочка выплечет все слезы и погибнет от обезвоживания организма.

Мишенька прибежал злой, взъерошенный. Если кому и вызывать неотложку, так это ему! Он несколько часов промучился с Костей, который закатил нешуточную истерику. Швырял лекарства, ругался так, что цветы на окнах завяли, и вообще был в неадеквате. И битых три часа грузил, как он любит Марусю, а теперь ему ногу оттяпают до колена. А он уже собрался предложение делать. Маруся такая-растакая необыкновенная, зачем ей муж глубокий инвалид? Плел, как в детстве часто гостил у одноклассника, и все из-за его родителей. Отец вечно по дому мастерил. Шкафчики, полочки. И мама такая спокойная, уютная, домовитая. Не орет, не суетится, как Костина мать. Дома пирогами пахнет, салфетки вышитые везде. Даже на банках с вареньем салфетки вышитые. Он так хотел такую же семью, как у Олежки. Чтобы жена, салфеточки, пироги, дом. Вот Маруся как раз такая, ну как он мечтал. А без ноги-то! Она себе легко нормального парня найдет.

Мишенька кричал, что это уму не постижимо, как в один день на него два психа напали! Вот уж точно, дурак дурака видит из далека! Два сапога пара! Надо их в одну палату в дурке посадить, пусть там и рыдают над своими полочками и оборочками и растреклятыми салфеточками с вареньем! Нашли «жилетку»! Правда, с одним он уже разобрался, отвесил с размаху хорошую плюху. И сразу человек в себя пришел. Можно и поговорить нормально. Даже Наум Семенович похвалил. Советует в институт поступать на психиатра. Так что Маруся сейчас тоже плюху получит, от души, по-братски. И отцепится от тети Кати, которой впору бежать выжимать халат, который истеричка Маруська залила слезами!

Маруся не поняла, что ругают. Поняла только, что Костя ее любит. Слезы остановились, она начала икать, тетя Катя поила Марусю компотом. На Мишеньку смотрела с восхищением. Вот это врач! На раз истерику прекратил. Может, и впрямь ему надо стать психиатром? Золотой парень! Надо завтра во дворе рассказать, что Мишенька такой талант, даже профессора удивляют. И советоваться ходят, когда трудный случай.

Часть девятая

Тетя Катя еле дождалась Марусю с работы. А что же? Разговор-то важный. Маруся пытается рассказывать, а тетя Катя – накормить. Со своими амурными страданиями, девочка похудела, и вид больной. Конечно, тете Кате интересно: как дело повернулось, да что Костя сказал, да что Маруся ответила. Но пусть сперва доест суп, котлеты и выпьет чай с огромным куском яблочного пирога. А уж потом, не пропуская подробностей.

Ну, словом, дело было так: состоялся у них с Костей очень серьезный разговор. Двое ребят из палаты ушли, вроде, им покурить надо. Сидели бедолаги в курилке битый час. А еще одному соседу, Вите, ходить тяжело, так он сказал, что спать хочет, и с головой одеялом накрылся. Тогда Маруся с Костей успели поцеловаться. А по делу? По делу, конечно, тоже говорили. Костя согласился на операцию, но пусть Маруся уже сейчас подает заявление в ЗАГС. И тогда наверняка поправится он быстрее, чтобы к регистрации успеть. Вот.

Ох уж эта молодежь! Ну просто детский сад! Как это Маруся пойдет в ЗАГС без жениха? И операция не шуточная, что врачи-то говорят? А свадьбу на когда назначать? А гости, стол, платье? – Да можно одной идти, Люська медсестра объяснила. Надо взять бланк заявки, Костя свою сторону заполнит, главный врач заверит, и Маруся в ЗАГС отнесет. Люська точно знает. Ее сестра за моряка замуж выходила, он ей такое заявление из Мурманска присылал. И не надо им никакой свадьбы. Распишутся и все.

– Еще чего! – всплеснула руками тетя Катя. Что это, каждый день бывает? Маруся – не шваль подзаборная, хоть и сирота, но у нее же тетя Катя есть. Сделаем все по-людски. И платье, и гости. И на стол соберут, как положено. У тети Кати никого нет, кроме Маруси. Она ей почти как дочка. Что же – единственной дочке со свадьбой не помочь? И заявление они понесут вместе. Маруся – тетеха, сунут ее на будний день, а у тети Кати – где сядешь, там и слезешь. На субботу и точка!

Так и вышло, тетя Катя мимо очереди страждущих женихов и невест прошла уверенным шагом прямо к заведующей. Ну, конечно, на субботу, ну, естественно, после обеда. Нет, ускорить не надо, жениха еще из госпиталя не выписали.

Дали визиточку с указанием даты регистрации и приглашение в салон для новобрачных. Костя визиточку разглядывал внимательно. Можно, он документ у себя оставит? Показывал ребятам, врачу Рубену Вагановичу. Словно свидетельство о браке. Рубен Ваганович цокал языком. Если бы он был молодой и свободный, обязательно бы сам на Марусе женился. Ребята смеялись. Косте казалось, что ему все завидуют. Ну и что же, что инвалид. Он ведь только ходить будет плохо. А руки-то целы. Можно будет, наконец-то, вырезать красивые полочки для своей семьи, для Маруси. Он ведь по дереву замечательно режет. Будет у них уютный дом.

Теперь про гостей подумать. Дениса с Каринкой надо пригласить. Роберта, наверное, с братом, а то одному-то тяжело ехать. Мишенька – свидетель со стороны жениха. Маруся в свидетельницы позовет Ирку-парикмахершу. А с работы – Зойку. Еще тетя Оля с дядей Мишей. И, конечно, самая главная – тетя Катя. Уместятся дома. Танцев-то, наверное, не будет. Костя будет в форме, это даже не обсуждается. А Маруся пусть выберет платье, какое захочет. У Кости деньги есть, и на кольца хватит. Пусть купит вместе с Мишенькой. Примерить надо. И Маруся должна выбрать какое ей понравится, а не то, что дешевле.

Марусе стало казаться, что все люди вокруг стали очень добрыми и веселыми. Только бы операция удачно прошла, и лучше-то и не надо, и так хорошо.

Пришлось отпрашиваться с работы. Заведующая Любовь Петровна выпрашивала что да как. Нogu ампутируют? Молоденькому парню! Ой, господи! Ранение? И медаль есть? Батюшки светы! И свадьба? А ходить будет с костылями или протез сделают? Если протез, так кум королю. Брючки надел и не видать ничего. Пьющий или так, по праздникам? Главное, чтобы

человек был хороший. Даже если и примет лишнего. Она-то знает. Хорошо, что квартира есть. Ой, горюшко! Молодой парень, ребяенок почти, и с одной ногой. А свадьбу-то где делать будут, в банкетном зале? А можно в столовой договориться, на выходной дешевле выйдет. А уж платье, Маруся может даже и не мудрить. На работе все равно на подарок скидываться. И два дня, конечно, ей дадут. Нет, на свадьбу, само собой, три дня полагается. Пока жениха оперировать будут, пусть Маруся в больнице сидит. Мало ли сок какой или фрукты надо, бульон опять же сварить. Лучше куриный и слабенький и процедить через марлю. Уж она, Любовь Петровна, человек бывалый по части ухода за калекой.

Своим замужеством Маруся словно приблизилась к начальнице. Вот, если бы жених еще оказался пьющий, прямо сестра родная.

Теперь Марусе дают хорошие заказы. И шьет-то она, оказывается, лучше многих. И вообще, заведующая сразу разглядела, что девочка серьезная, работающая и ответственная.

Часть десятая

В госпиталь ходили с тетей Катей. Носили бульон в термосе, морс. Мишенька подробно отчитывался, как прошло, что врачи говорят, какая температура. Рубен Ваганович сказал, все нормально, обязательно, мол, в свою диссертацию вставит как психологический настрой влияет на исход операции.

В салон для новобрачных поехали с Иркой и Мишенькой. Он хотел импортную рубашку, Ирка – польскую косметику, а Маруся за компанию. Свадебные платья висели в ряд все одинаковые, словно школьные фартуки. На плечах и груди неизменные оборки и под грудью пояс. Мишенька кривил губы. В таком наряде Маруся будет аккурат, как «баба на чайнике». Ирка соглашалась, вот смех-то будет в Загсе, придут невесты одинаковые, как солдаты, хоть бирки вешай с именами, чтобы женихи не перепутали. Мишенька купил румынскую рубашку с крошечными пуговками на воротнике, цвет «чайная роза». Ирка польские тени, помаду и пудру в красивой коробочке, не «Пуппо», конечно, но сойдет. Туфли тоже стояли одинаковыми унылыми рядами. Были одни босоножки симпатичные, но почему-то ядовито-чернильного цвета.

Косте купили узенькое простое кольцо, как просил. Марусе выбрали пошире, «дутое». Тетя Катя советовала белое платье вообще не покупать. Куда его потом? Лучше костюм вечерний, чтобы еще можно было носить в гости или еще куда – на выход.

Зойка принесла на работу журнал «Бурда». Вот это модели! Вон «двоечка» какая симпатичная. Платье без рукавов и поверх «болеро». В таком и в ЗАГС не стыдно, и после надеть можно. Ткань только подобрать. Клавдия Викторовна обещала поговорить со своей подругой, закройщицей в московском ателье. У них выбор больше.

Любовь Петровна велела, чтобы продали по закупочной цене, ну как для своих. Коллеги все же. А за туфлями пусть Маруся идет в «обувной» к Нине Семеновне, скажет, я, мол, из ателье от Любви Петровны.

Про стол тетя Катя велела Марусе не думать. Это дело родителей. Вот дядя Миша спиртным займется, а они с тетей – Олей продуктами. Посуду тетя Катя принесет свою. Пусть потом она у Маруси останется, как приданное. На сладкое Зойка обещала «Птичье молоко», у нее мать на кондитерской фабрике.

Брат Роберта прислал письмо, что, к сожалению, приехать не смогут, Роберт себя неважно чувствует. Но от них поедет один парень, студент, он в Москве учится, они хотят с ним передать посылку. Денис с Каринкой сказали, что будут точно. Оставят Егорку с Каринкиной сестрой и придут. Только Костиной мамы не будет. Маруся давно поняла, что тема эта ему не приятна. У него своя жизнь, у мамы – своя.

Часть одиннадцатая

Вот время-то пролетело, даже не пролетело, а промелькнуло. И когда это осень наступила? Хотя с погодой везет – тепло, солнечно. Вот уже и нарядные первоклашки идут с цветами в школу. Какая праздничная осень в этом году! До свадьбы два дня осталось. Костя уже неделю дома. Да-да, дома. В их с Марусей квартире. На улицу выходить не решается. Говорит, от него, сидячего, больше пользы. Надо же проверить, все ли в порядке, гости ведь придут. Вон, кран в ванной подтекает, не по-хозяйски. Тетя Катя принесла ножи точить. Она днем приходит, проверяет, съел ли Костя обед, принял ли лекарства. Маруся с работы выскакивает, как ошпаренная, никто не осуждает, муж ждет.

Зойка уже принесла «Птичье молоко». Один торт на работу – отметить, два – на свадьбу. Торты свеженькие, прямо с фабрики.

Клавдия Викторовна кусочек домой забрала, для внука.

Платье Марусе очень нравится. Точь в точь, как в журнале, даже лучше! Ткань наряднее и на «болерушке» Любовь Петровна велела вышивку люрексом сделать. Опять ездили в салон для новобрачных с Ирккой. Купили серебристых цветов с «жемчужинами». Ирка их прикрепит к Марусиным волосам, в Загсе все невесты от зависти свою фату сгрызут, что не попали к такому хорошему мастеру-парикмахеру.

Дядя Миша с тетей Олей вторую неделю с авоськами бегают. Гусятникова удивляется, что носятся, словно это их сын жениться надумал. Нашли из-за кого жилы рвать. Это Катька Скорикова всех науськивает. Маруся никакая ей не дочь и жених – не зять. Вот охота человеку для чужих надрываться. Главное, была бы семья приличная, а то шантрапа без роду и племени. И для таких Скорикова два батона финского сервелата достала? А ей, Гусятниковой, на юбилей мужа так и не помогла с икрой. Конечно, Гусятниковы сами обошлись, стол сделали богатый, гости от зависти слюной давились и ели до тошноты. Но все равно обидно.

Во дворе незнакомый парень с узкими смешливыми глазами спрашивал, где живет девушка по имени Маруся. Это кто же ее ищет? У нее и родни-то не осталось, тем более не русской. Может, это жениха приятель? Да уж, поджала губы Гусятникова, Маруся – то, та еще пройдоха. Только Скорикова не видит, кого пригрела. Да этот парень армян или грузинец. Сразу видать, на рынке торгует, вон ящик какой припер. И авоська в руке. Это Маруськин хахаль бывший. Ну сейчас будет там у них свадьба, хоть на лавку садись в первый ряд, как в театре. А может, и милицию вызвать заранее. А то грузинцы – люди горячие, ножик схватит и прощай. Ей про такое свахиной сестры деверь рассказывал.

Бабуси заспорили. У грузин и армян глаза большие, а у этого узкие. Узбек, наверное, как Фарух, что в соседнем доме живет.

Повезло Гусятниковой, что тети Кати во дворе не было. Приехавшего парня звали Асхат. Привез посылку на свадьбу от Роберта. Асхат учился в Москве, ездил навещать родителей, там-то Роберт с Паулем его и нагрузили. Тетя Катя только руками махала. Как же он такую тяжесть приволок! Арбуз, дыня, персики, виноград. И не побилось ничего, хоть на выставку достижений народного хозяйства отправляй. Батюшки! Отрез шифона для Маруси. Вот красотища! С размытыми бледными цветами. Из такого сошьешь и одевать-то жалко. Косте рубашка, белая с полосками на рукавах, и на кармане вышито иностранное слово. И еще две пиалы с ярким узором. Вот люди! Жаль, что сами не приехали. Что же, Роберт болеет?

Асхат мялся, мямлил что-то про ранение. А потом и выложил все, как есть. Роберт сначала радовался, что живой, что дома. Вся родня его балует, жалеет. Друзья сочувствуют. Понравилось ничего не делать. Учиться не хочет, работать тоже. Я говорит, уже наработался, на войне был. Я теперь – пострадавший, жизнь мне поломали. Пусть другие работают, меня государство обязано кормить-поить как ветерана. Выпивает много, благо все угощать бегут.

А теперь совсем плохо. Траву курит. Отец с Паулем хотели его связать и отвезти в аул к старому Бактияру, он таких лечит. А тетя Грета не дает, плачет. Говорит, сын и так настрадался, живой и, слава богу. Вот такие дела.

Костя слушает мрачный, Марусе не верится – Роберт такой веселый, не может он быть каким-то наркоманом. Тетя Катя вздыхает, вот матери горе, вроде и есть сын, да все не людски.

Асхат сидел еще долго, надо же все выпросить. Да покормить человека, да отдохнуть, вон какую тяжесть тащил. Пригласили на свадьбу, а что, хороший парнишка, пусть приходит, веселее будет.

С утра приехали Карина с Денисом. Вот тебе здрасте! Каринка еле протиснулась в дверь своим круглым животом. Ну и дела. Значит, Егорке сестру готовят или братика? Денис хохотал, шептал Косте с Мишенькой, что ранение у него было в руку, а не в другое место. Карина услышала, сердито ткнула мужа локтем, показывая глазами на тетю Олю с тетей Катей. Мол, сдурел, родители услышат. Нашел время армейские шутки шутить. Потом шепотом похвалилась, им теперь точно квартиру обещают. Наконец-то, разъедутся с сестрой и ее алкашным муженьком.

Тетя Катя всех «мальчишек» выгнала в комнату, чтобы под ногами не мешали. Дядя Миша тоже с ними ушел, он свою миссию выполнил, достал спиртное.

Зойка хлопотала вокруг Маруси, одергивала подол платья, поправляла подплечники. Прическа уже готова. Волосы у Маруси подняты вверх, уложены колечками, челка начесана и щедро полита лаком. Среди прядок и колечек, поблескивают цветы. Карина вздыхает. У нее была фата со шляпкой, а с цветами куда красивше.

Тут начали спорить, краситься Марусе или нет. Зойка убеждала, что по правилам невеста должна быть естественной, без макияжа. Карина вспомнила, что на своей свадьбе была похожа на бледную овцу. Если бы не косметика, то жених из ЗАГСА бы сбежал. Ирка согласна. Конечно, вон, Маруся тоже бледная от волнения, как будто ее в больницу везут, а не на свадьбу. Надо румян побольше и глаза накрасить. На фиг эту естественность, потом на такие фотки не налюбишься.

Приехал Асхат с красивым букетом. Стройный, в импортном костюме. Зойка с Иркой шептались, хорошенький какой, на японца похож. Подъехали заказанные машины. Как положено – с ленточками и шарами. Дядю Мишу отправили с молодежью. Для солидности, вроде, как отец. Каринке и в ЗАГС хочется, и в машине укачивает. Судили-рядили, оставили дома помогать стол накрывать.

Косте помогли спуститься Мишенька с Асхатом. Во дворе все соседи. Макарова боялась суп на плите без присмотра оставить, на балкон вышла, пока смотрела, суп все равно выкипел. Бабуся в первом ряду, на лавочке. Молодые мамы с детьми гуляют, хотя после обеда надо бы мелюзгу спать положить. Гусятникова во двор не вышла, но бедная чуть шею себе не вывернула. Окно с торца дома, поди – разгляди как следует. Ветошина ковер вынесла выбивать, а Семина – белье вешать. Бабуся хихикают, у Семиных балкон, сроду во двор белье не носила.

А славный у Маруси парнишка. Симпатичный, можно сказать, красавец. Даже красивее следователя Знаменского из «Знатоков». Вот жалость, что покалеченный. И друг-то вон, вон, который тоже в форме, рукав пустой, за ремень заправлен, видать, руки нет. Ой, бедные ребята. В мирное-то время. А парень-то, что с коробкой Марусю искал, никакой не бывший хахаль. Раз в гостях, значит, приятель жениха. Вот, поди ж ты, кто бы мог подумать, что Зинкишалавы дочка приличная вырастет. И в подоле не принесла. И свадьба, и парень такой хороший попался, все по-человечески. Права была Катя Скорикова. Хотя, чему дивится? Девчонку-то, почитай, Катя и вырастила.

В машине Костя с Марусей держались за руки. Ирка фыркнула, ну прям, как пионеры. У Кости еще утром разболелась нога, ноет и ноет. Хотел таблетку выпить, Мишенька отгово-

рил. А как же шампанское и, вообще, застолье? Таблетки с алкоголем – штука опасная. Маруся испугалась, вспомнила про маму. Но и Костю жалко.

Когда боль становится сильнее, Костя сжимает Марусину руку. Пусть Ирка думает, что они ведут себя как дети.

ЗАГС только открылся после обеденного перерыва. Перед входом уже толпа. Нарядные девушки, невесты с цветами, свидетели с лентами, веселые, успевшие «принять», гости. Толкотня, гул. Вдруг становится тихо. Невольно расступаются парочки у входа, и шелестит, словно ветром по траве: «Афганцы, афганцы...»

В упор смотреть не решаются. Костя идет медленно, тяжело опираясь на костыли. Даже у Ирки и Зойки лица стали серьезные. Маруся чувствует на себе любопытные взгляды. От смущения лицо порозовело, хотела уткнуться в букет. Но потом у самой двери, которую распахнули Мишенька с Асхатом, резко букет отвела и положила руку на Костино плечо.

Встретила пожилая женщина, спросила фамилии, документы взяла и сказала, чтобы проходили в комнаты жениха и невесты.

Дядя Миша ее догнал и начал суетливо допытываться, как бы тут с фотографом сговориться. Женщина объясняла, что, мол, все в положенное время. Будут молодым документы оформлять, тогда и про фото скажут. Но дядя Миша настаивал, он от жены и тети Кати строго настрого приказ получил. Не может он все на самотек пустить. Денис с Мишенькой его успокаивали, но дядя Миша уперся, как баран. Да он сам должен! Катя с Олей велели. И деньги он заплатит, а так, чего доброго, с жениха начнут требовать. Еле уговорили сесть на бархатный диванчик и ждать.

Асхат с Зойкой прогуливались по ЗАГСУ, рассматривали фотографии и невест, пытались заглянуть в зал для регистраций. Все обошли и, вернувшись, громко заявили, что Маруся самая красивая, и ни у кого такого замечательного платья нет, все одинаковые, словно матрешки.

По громкой связи объявили, что в комнату для оформления документов приглашаются: Кузнецов Константин Николаевич и Воронцова Мария Андреевна. Первым вскочил дядя Миша. Вот, вот уже расписываться зовут, а фотограф-то? Мишенька уж и не рад был, что отца в ЗАГС привезли. Да никакая это не роспись, документы только оформить. Но дядя Миша отмахнулся, да ну их, молодежь! Сам разберется. В комнату зашел вместе с молодоженами. Сотрудники его останавливали: «Папочка, сюда только невесты с женихами». Потом устало махнули, идите, заказывайте фото. Дядя Миша долго и обстоятельно смотрел образцы. А сколько фотографий сделают? А если пленка засветится? А регистрацию всю отснимут или только вход-выход и кольца? Бородатый флегматичный фотограф спокойно объяснял.

У Маруси уточнили, будет ли она брать фамилию мужа? Конечно, а разве можно по-другому, семья же? Тогда в паспорте поставили печать и велели обменять его в течение месяца. Дядя Миша вышел гордый, все поручения выполнил, вон квитанций сколько. Даже музыку не забыл заказать, а молодежь-то про музыку не подумала.

Еще ждали немного, пока не прибежала кокетливая девушка и велела у двери в зал построиться. Жених – справа, невеста – слева, свидетели – по бокам. Гости – сзади аккуратной группой, родителей – вперед. Кольца надо отдать ей. Костя обернулся к Денису. Тот, взяв девушку за локоть, шептал, что кольца они не дадут, у них, военных, свои правила. Девушка удивленно подняла выщипанные бровки, но спорить не стала. Спросила только смущенным шепотом, не поставить ли для жениха стул? Костя покачал головой, все нормально, не надо.

Маруся и не заметила, как очутились в зале. Руки дрожали, что говорила ведущая, слышала плохо. На вопрос о согласии, автоматически ответила «Да». Соображать начала, только на фразе «...Ваш брак зарегистрирован. Отныне вы муж и жена. В знак любви и верности прошу обменяться обручальными кольцами».

Денис вышел вперед. Опустился перед Костей и Марусей на одно колено, держа фуражку на согнутой руке, на фуражке лежали обручальные кольца. В тишине громко всхлипнула Ирка. Дядя Миша тихо отошел за колонну, лицо закрыл носовым платком, плечи вздрагивают. Маруся крепко зажала кольцо, только бы не выронить, примета плохая. Потом опять все ощущения смешались, помнила только как поцеловались с Костей и как ехали домой, разглядывая новенькое свидетельство всю дорогу.

Стол получился нарядный. Мишенька принес магнитофон с колонками. Музыка играла громко, говорили все разом, стараясь перекричать «Алфавиль» и Сабрину. Тетя Катя металась из кухни в комнату, хотя еды и так хватало. Дядя Миша расслабился, выпил, лицо красное, пиджак снял. Тетя Оля его одергивала, сиди, мол, кушай спокойно, а пьешь, не закусывая. Ирка предложила, поглядывая на Асхата, устроить танцы. Зойка ее щипнула под столом, какие танцы, сдурела? Ирка поправилась, а что такого, она же имела в виду медленные.

Маруся ничего не ела. Просто сидела, улыбаясь и поглаживая по руке Костю. Курить выходили на кухню. Подвыпивший Денис стал вспоминать Афган. Как в засаду попали, как погибли два его друга и командир части, хороший дядька, у него трое ребятишек осталось. Как его, Дениса, почти километр тащил на себе друг Коля. И Коля погиб почти перед самым отъездом. Лицо Дениса кривилось, губы подрагивали. Костя стал бледный, лицо – чужое, жесткое.

Каринка шипела, как змея. Да что же это такое! Вот всем Денис хорош, но как выпьет, так начинает за войну и погибших товарищей. И себя изводит, и людям никакого праздника! Не на поминки же пришел и не на сбор ветеранов. Мишенька ее успокаивал, ничего не попишешь. Психика нарушилась, это же какой шок, война, смерть. Придется Карине смириться. Или пичкать мужа успокоительным.

Тетя Катя тихонько шепчется с Мишенькиной мамой. Вот сегодня и ее праздник. Они ведь с Веней, царствие ему небесное, хотели Марусю еще маленькую себе забрать. У них ведь детей не было. Зинка уперлась, не отдала. Посobie на ребенка пожалела и боялась, что за туневство привлекут. А так вроде с ребенком сидит. А выросла-то Маруся все равно без матери, а с тетей Катей. Так что сегодня получается, дочка замуж вышла. Может, тетя Катя теперь и внуков дождет. Матерью стать не совсем вышло, хоть бабушкой будет настоящей.

Угомонились к полуночи. Каринку с мужем тетя Катя увела ночевать к себе, не трястись же беременной женщине в поезде ночью.

Остальные жили рядом. Только Зойке в Зеленоград ехать. И, конечно, Асхат может проводить. Тем более, что ему ехать вообще в Москву. Метро уже закрыто, и у Зойки (вот совпадение), родители уехали на дачу.

Какое мягкое и теплое в этом году лето. Хоть на курорт не выезжай. Дожди грибные и короткие. Ни палящего зноя, ни промозглой сырости. Вон и зелень-то до сих пор яркая, свежая, как весной. Только и гулять.

Тетя Катя Скоринова вышла из подъезда, плавно толкая перед собой коляску. Сразу же отчитала Карасева, возившегося с машиной. Ну совсем у человека совести нет! У самой детской

площадки в машине ковыряется. Бензином воняет на весь двор, а тут малыши гуляют, им свежий воздух нужен. Карасев в сердцах бросил промасленную тряпку, багажник захлопнул и ушел к соседу Витьке пить пиво. Досталось и стайке подростков. Пусть идут на пустырь мяч гонять. Вон какую пылищу подняли, не продохнуть.

Тетя Катя подвезла коляску к скамейке с «дежурными» бабусями.

– Здравствуйте, девушки! За порядком смотрите?

Бабуси засмеялись. А как же? Они всегда на боевом посту. А с кем же это Катерина Николавна гуляет? Конечно, ответ бабуси знали, но хотелось сделать приятное.

– Да вот с внучкой сегодня. Родителей в гости отпустили. Костин товарищ женится.

Бабуси кивают. Конечно, свадьба – повод серьезный. А как вообще молодые-то поживают?

Тетя Катя села на лавку и, покачивая колясочку, начала:

– Зять – золотые руки! Он в квартире ситцевые полы сделал! Это ж такая красота, что и по телевизору не увидишь. Просто наступать жалко. Только, когда лаком покрывал, пришлось им всей семьей у тети Кати ночевать. Воняло, будь здоров, два дня. Но не беда. Зато вид-то, вид – просто чудо какое-то!

Бабуси охают, качают головами.

– А мне, зять рамку для фотографии сделал. Вся резная, с узорами, покрыл бронзовым порошком, под старину. Теперь Венечка мой в красивой рамке, словно царь.

Да уж, если у парня руки из правильного места растут, то уж можно и с одной ногой прожить.

И вообще, у Маруси с мужем квартира – ну просто теремок. Да, многие смотреть ходили. Даже Степновы с четвертого этажа пристали, как банный лист. Костенька, дорогой, мы тебе любые деньги заплатим, только сделай нам карниз в комнате, как у вас. А Воротынцев? Он ведь всем врет, что ему лампу из Индии привезли. Это Костя из коряги слона вырезал, и провода с абажуром поставил.

Бабуси соглашаются, конечно, Воротынцев врет, они точно знают, хотя лампу не видели.

Разговор мог бы еще продолжаться, но из коляски послышалось хныканье.

Тетя Катя птицей взметнулась с лавочки.

– Что, рыбка моя золотая? Что случилось у моей ласточки? Попить, попить мое золотце захотело? Давай, давай попьем водичку, моя куколка!

Бабуси напряженно смотрят. Тетя Катя берет на руки малышку.

Вот какая толстوشечка! А нарядная-то. Сразу видно, не в магазине куплено. Там такой красоты не найдешь. Чепчик на девочке и впрямь богатый, огромная оборка из шитья обрамляет маленькое личико словно рама. Малышка сосредоточенно пьет воду из бутылочки с соской, сжав пухлые кулачки. Тетя Катя бережно укладывает девочку в коляску, заботливо прикрывая козырек марлей.

– Ну, девушки, с вами хорошо, но мы лучше к лесу пойдем. А то тут шумно, и мальчишки мяч гоняют, еще чего доброго в коляску попадут.

Бабуси опять согласно кивают. Конечно, правильно. И словно спохватившись, вслед новоявленной бабушке звучит вопрос: «Как Маруся дочку-то назвала?»

Тетя Катя смотрит на бабусь, как королева на неразумных подданных. Как назвала? Вот странные, неужели еще не слышали? Весь двор знает, что малышку зовут Катюшей!

Бабуси переглядываются и кивают, все верно, правильно, а чего же, так и должно быть.

Тетя Катя медленно везет коляску, и до бабусь чуть слышно доносится: «Гулять пойдем, моя радость, Катюнечка моя дорогая, бабушкино счастье.....»

Все как у людей

Папа пришел поздно, уставший, голодный и радостный. Мама с надеждой смотрела на него. А он посмеивался, нарочито медленно мыл руки, спрашивал, как вел себя маленький Виталик.

– Ну, не молчи, ты ради бога! Ну, получилось?

– Еще бы не получилось! Пришлось самому Николаю Николаевичу поклоняться.

– Господи! Наконец-то! Теперь купим «Хельгу»!

Папа ел, торопясь, разговоров много, а рот занят. Надо будет все измерить в комнате. Чтобы не таскать потом шкафы из угла в угол. А сразу привезли и поставили. Старую мебель на дачу. На новый диван пока не хватит. Может, старый перетянуть? А можно покрывало красивое достать, например, как у Еникеевых, – с тигром. Таким покрывалом накроешь, и старый диван уже вид имеет. Вот поставят «Хельгу», накроют диван, заживут. Все будет, как у людей. Жаль только, придется неделю побегать к магазину отмечаться в очереди. Днем мама будет караулить драгоценную «стенку», а уж по ночам – папа.

Только Виталик не будет в очереди стоять, он в детский сад ходит. У всех знакомых дети ходят в сад.

Привезли долгожданную мебель. Еще неделю она стояла не разобранная. Папа, стоя ночью в очереди, радикулит схватил. За то красота в комнате – блестящие полированные шкафы, ящички. Правда, мамин День рождения не отметили. Надо долги за «Хельгу» отдавать, чего же на стол тратиться. Одни консервы-то не поставишь, нужно, чтобы все, как у людей, было.

Скоро лето, Виталик поедет на дачу к бабушке, а на море – только на следующий год. Осенью в первый класс идти, надо подготовиться, вещи для школы купить. С дачи его всегда в город привезти можно, например, форму примерить, а с моря как привезешь?

Первого сентября Виталик пошел с букетом хризантем, собранных на даче. Готовые букеты – деньги на ветер. Почти все знакомые цветы с дач везут.

Первый день в школе Виталик запомнил плохо. Только через неделю стал одноклассников по фамилиям звать. После уроков он остается на продлёнку. Все как у людей. Раз родители на работе, дети – на продлёнке. Чтобы под присмотром.

Виталик – средний ученик. Бывают четверки и пятерки, иногда – тройки, но это редко. Хорошо, хоть двоек нет. И называется Виталик – хорошист.

Есть друзья, Витя и Слава. Есть недруг Гриша. Он – двоечник и хулиган, его все боятся. Задирается на одноклассников и даже на ребят старше себя. Когда что-то случается, сразу думают на Гришу. Учительница хочет, чтобы его перевели в другую школу.

И вновь лето. Виталик с родителями едет на море. Ехать надо в поезде, потом автобусом немножко. Это мама путевки достала. Она одной женщине с работы уступила талончик на Дюма, а эта женщина выбила в местное три путевки в Евпаторию. Так что отдыхать будут на юге, как люди.

Билеты на поезд достать в разгар сезона?!.. Тут уж не до жиру. Мама и Виталик в одном вагоне, папа – в другом. Ну ладно, в дороге поменяются с кем-нибудь.

Виталик сначала вертелся возле окна, первый раз едет! Даже пытался считать столбы и читать названия станций. Потом глаза устали, есть захотелось. Мама разворачивала жареную курицу, огурцы, помидоры, яйца, сваренные в крутую, даже желток посинел. Соль была в кулёчке. Неудобно, того и гляди просыплешь.

На станциях продавали ягоды, яблоки, вареную картошку с укропом. Папа бегал с маленьким бидончиком за квасом. Спать в поезде Виталику не понравилось. Папа спал

на верхней полке, а он с мамой на нижней. Было тесно, жестко и душно. Еще откуда-то летела черная пыль. И в вагоне пахло потом и соленой рыбой.

Море Виталику понравилось. У берега – грязновато-зеленое от всплывающей тины, зато дальше вода становилась бирюзовой и такой прозрачной, что видно маленьких медуз. Он, как другие ребята, вытаскивал медузок на берег и смотрел, как похожий на желе комочек постепенно тает. А одного мальчика, толстого неповоротливого Саню, медуза обожгла! Саня ревел басом на весь пляж, и все давали его маме советы, как Саню лечить.

Папе хотелось купить южное вино, говорят, копейки стоит. Мама сердилась. Она не для того с семьей на юг приехала, чтобы муж лакал винище и играл в карты на деньги. Но папа выиграл целых три рубля! Маме купили желтые бусы и сувенирные раковины для знакомых. А Виталик сам набрал много-много крошечных ракушек, потом выбросил. Лень было их на нитку собирать, что он, девчонка что ли?

Перед возвращением домой мама с папой купили абрикосы и яблоки. Цены-то! В городе за эти деньги и половины не возьмешь. Обратно ехать было еще тяжелее. Кроме своих вещей пришлось тащить авоськи с фруктами.

Конечно, отдых стоил не дешево, но зато съездили на юг всей семьей. И жили в доме отдыха, а не дикарями. Те, бедные, снимали углы и койки. Чтобы поесть, выстаивали огромные очереди в столовые и кафе. Хотя в доме отдыха кормили невкусно, но все же не в уличную столовку бежать. Словом, все – как у людей.

В школе время летит быстро, вот уже и восьмой класс. Двоечник Гриша, после восьмого уйдет, и все вздохнут с облегчением. Виталику тоже хотелось бы уйти в какое-нибудь училище. Ведь это уже по-взрослому. Конечно, за десятилетку доучиваться заставят, но и сразу профессию получишь. И на практику водят. И там можно работать наравне с другими – настоящими рабочими. И стипендия! Ведь это свои собственные деньги!

Но родители и слышать ничего не хотели. Он что – с ума сошел? Чтобы их сын стал каким-то пэтэушником? Да они со стыда сгорят перед друзьями и коллегами. Все будут на них пальцем показывать и шептаться за спиной. Только трудных подростков, тупых двоечников и детей алкоголиков отдают в ПТУ. Эти заведения специально для них и придумали. Кто – совсем отпетый, в колонию. Не совсем – в ПТУ. А в их семье все будет, как у людей. Окончит десятилетку и пойдет в институт. В какой? Да хотя бы в «Пищевой», к Наталье Семеновне.

В десятом классе Виталик стал ходить к репетитору Инне Марковне. Конечно, в институте есть знакомые, но подстраховаться не мешает.

Виталик благополучно поступил и начал изучать скучные предметы по неинтересной ему профессии. Родители ходили с гордо поднятой головой. Сын – студент ВУЗа. Все как у людей.

Иногда Виталику хотелось «отмочить» что-нибудь эдакое. Например, забрать документы из института и уехать на Север. Он представлял, как приезжает в отпуск. Высокий, широкоплечий молодой мужчина. Лицо грубоватое и обветрившееся. На ногах меховые сапоги, на голове пушистая ушанка. Еще у него есть брезентовый рюкзак и ружье. Все восхищаются его смелостью. Надо же вот так, одним махом жизнь поменять! Вот какой сын у Тороповых! Настоящий мужик стал, северный волк. Не то, что наши, рохли институтские.

Но на самом деле Виталик и был «институтским рохлей». Звезд с неба не хватал, учился, как всегда, средне. Иногда прогуливал лекции, как все.

С недавних пор стал на девушек заглядываться. Виталику нравились яркие, самостоятельные. Мама называла таких «оторвами». Но такие девушки на Виталика почти не смотрели. А самому подойти было страшновато. Больше всего нравилась Тася. Она не училась с ним в институте, а жила в соседнем подъезде.

Тася была стройной, гибкой. Пепельные волосы распущены, глаза закрывает прямая челка.

Одевалась Тася ярко. Юбки носила такие узкие, что обтянутые тканью бедра кокетливо покачивались. Работала она в парикмахерской, и Виталик постоянно старался пройти мимо, заглядывая в стеклянную витрину. Заходить было бесполезно, ведь Тася – дамский мастер.

Мама всегда приводила Тасю как отрицательный пример. Вот свяжется приличный мальчик с такой оторвой, и жизнь насмарку. Она наверняка будет гулять. И мать, и хозяйка из нее не выйдут. И перед знакомыми стыдно, жена без образования, какая-то парикмахерша! Жениться на такой, похоронить себя заживо. Папа говорил, что Таисия, девушка, конечно, видная, но, если говорить о семье, то он такой супруги своему сыну не пожелал бы.

Виталик и сам не решился бы подойти к Тасе, а уж тем более привести ее домой. Хотя иногда представлял, как раньше в мечтах – север. Теперь к образу северного волка добавлялась Тася. Он так же был в меховых сапогах и с ружьем, а рядом яркая Тася в длинной меховой шубе. И опять все во дворе удивляются, ничего себе, самую красивую девчонку увел из-под носа.

Пока Виталик рисовал воображаемые сюжеты, Тася вышла замуж за датчанина. В доме долго не утихали разговоры. Вот повезло! Простая парикмахерша ухватила бизнесмена из Дании.

Теперь будет «как сыр в масле кататься». Мама высказалась, что порядочные девушки с иностранцами не знают. Еще неизвестно, где Тася этого бизнесмена нашла. Может, она, вообще, шлялась у гостиниц и заманивала доверчивых гостей столицы. Это счастье, что Виталику такие девушки не нравятся! Он-то думает о будущем. Когда захочет жениться, найдет себе порядочную скромную девушку, чтобы создать нормальную семью, как у людей. Например, у ее коллеги, Ирины Павловны, есть дочка Симочка. Она учится в педагогическом институте. Очень милая и хорошая девушка. И ее родители – приятные люди.

Виталик начал встречаться с Симочкой. Ходили в кино и театры. Симочкина мама доставала билеты на концерты. Виталик к Симочке ничего не чувствовал. Но ведь это пока. Может, потом он будет ее любить. А может, для брака это и необязательно? Главное, что бы с ней можно было создать стабильную семью, ну, как у людей.

После института Виталика устроили в министерство на непонятную должность – инженер по кадрам. Симочка по знакомству попала в методкабинет. Не в школу же идти, трепать с детьми нервы?

Свадьбу устроили в банкетном зале. Продукты принесли заранее. Готовили блюда повара. Симочкина мама с утра отправилась наблюдать. Эти ушлые повара из банкетного зала так и норовят что-нибудь отполовинить, глаз да глаз. Папа с отцом Симочки принесли три ящика спиртного, а что делать? Вдруг гости подумают, что пожадничали, а так, все как у людей. И тамаду позвали с синтезатором. Он развлекал гостей и пел модные шлягеры. Правда, быстро напился, и танцы продолжались под магнитофон. Подаренные на свадьбу деньги аккуратно собирала мама. Мало ли, все выпили, вдруг под шумок кто и заберет свой заветный конвертик обратно.

Прошло все хорошо. Были воздушные шарики, листы ватмана с голубями и сердечками, ленты на машине и огромная кукла в белом платье, накрепко привязанная к капоту.

С квартирой молодым повезло. Симочкину бабушку отвезли на дачу, там свежий воздух, пожилым полезно. А у них получилась отдельная однокомнатная квартира. Виталик бегал отмечаться на ковер. Домой покупку тащили с женой. Симочка придерживала край, чтобы по грязному весеннему снегу не чиркал. Ковер был большой и тяжелый, по бордовому фону темно-желтые цветы и орнамент. Долго решали – повесить на стену или постелить на пол. Вроде уже не модно на стену. Надо стелить. Но ковер еще неделю стоял завернутой колонной, почти упираясь в потолок. Виталик лежал с радикулитом, еще бы – такую тяжесть два квартала тащить! Не тратить же деньги на машину, им еще журнальный стол покупать.

Теперь по комнате можно ходить только в носках, а на пороге в коридор можно надеть тапочки. Зато во всю комнату красуется ковер, занавески в тон, журнальный столик и торшер. Все как у людей.

Через год родился сын. Назвали Антоша. Летом ездят на дачу. За малышом по очереди присматривают бабушки. Папа с Виталиком копают грядки, Симочка сажает рассаду. Свои-то овощи вкуснее и полезней. Опять же – экономия. Им не надо покупать огурцы и помидоры на рынке, и земля не пропадает. В поселке только Мурашovy ничего не сажают. Мать и дочь сидят в парусиновых креслах и решают кроссворды. А на участке одна трава! Мы, говорят, на дачу отдыхать приезжаем, а не задом кверху стоять весь отпуск. Что за люди?

Виталику иногда тоже хочется оказаться на покрытом мягкой травой участке. Он поставил бы себе раскладушку и валялся бы под теплым подмосковным солнышком. Слушал бы маленький радиоприемник, думал, о чем-нибудь смелом и заманчивом. Может быть, представлял стройную, эффектную Тасю.

По участку ходит Симочка в купальнике. Представлять ее не хочется. Чего не видел?

Жизнь продолжается. Антоша уже пошел в детский сад. Время- то как летит! Не успели оглянуться, в школу пора. Летом Виталик, теперь Виталий Егорович, повез семью на юг. Путевки доставала жена. Виталий Егорович хотел рискнуть, хоть разок отдохнуть «дикарями». Никто не назначает день приезда и отъезда, можно приходить поздно вечером, сидеть в маленьком дворике под деревьями. Вокруг тусклой лампы будут кружить ночные бабочки, стрекотать цикады. Можно вести длинные беседы с незнакомыми прежде людьми, но в силу тесного соседства, ставшими почти родными. Пить южное вино и тихонько петь под гитару, пока хозяйка не сделает замечание. Наверное, если бы он был «северным волком», то отдыхал именно так.

Но Симочку такой отдых поверг бы в столбняк. Еще чего не хватало! Валяться неизвестно в какой конуре, с ребенком. Искать, сдадут ли угол, не сдерут ли «три шкуры». Питаться в подозрительных забегаловках, отстояв по два часа на жаре. Или, еще хлеще, снять комнату с маленькой летней кухней и торчать весь отпуск у плиты! Нет уж! Отдыхать надо только в санатории, как люди.

На море Антоша ловил маленьких медуз и смотрел, как они тают. Брал двумя пальчиками розовых крабиков за панцирь. Потом отпускал и долго смотрел, как крабик, смешно перебирая клешнями, бочком двигается к воде. Еще Антоша собирал крошечные ракушки и старательно нанизывал их на длинную нитку. Тину и песок в других ребятешек не кидал, без разрешения не уходил и в воду шел только со спасательным кругом.

Виталию Егоровичу было скучно. Плавать быстро надоедало, уставал. По пляжу старался не разгуливать. Только сейчас он с удивлением заметил, что тело его становится дряблым. Плечи почти все время опущены, и в профиль уже хорошо заметен живот.

Симочка сидела на пляже в парике. Купила перед отъездом. Прическа на парике была пышной и под солнцем переливалась радужным многоцветием. Из-под парика на лицо Симочки непрерывно стекали струйки пота. На предложения мужа снять эту башню с головы, Симочка категорически отказывалась. Во-первых, свои волосы не уложены. А во-вторых, парики сейчас – самый писк. Вон как на нее таращатся все тетки. Даже губы кусают от зависти. Да и вещь не дешевая. Для чего деньги потрачены? Чтобы импортная красота пылилась в чемодане? Виталий Егорович не стал спорить. Лежал на старом полотенце, думал о чем-то, иногда поглядывал на других отдыхающих. Нравилось смотреть на компанию молодых людей, играющих в волейбол. Особенно привлекала внимание одна из девушек, немного похожая на Тасю. Стройенькая, загорелая, с распущенными пепельными волосами. На ней был довольно откровенный купальник, узкие трусики и лифчик из треугольников. Виталий Егорович поглядывал на девушку незаметно – совестно пялиться в открытую. У девушки была тонкая талия и круглая попка, ну как не смотреть?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.